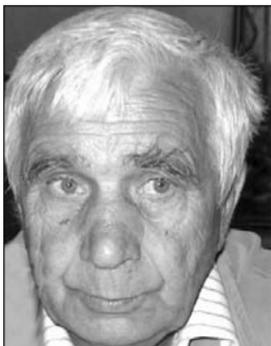

Эдуард Анашкин

ОТ ВЕСНЫ ДО ЛЕДОСТАВА

(Стихотворения разных лет
Федора Григорьева)

Эдуард Константинович Анашкин родился в 1946 году в городе Хилок Читинской области. Окончил сельскохозяйственный техникум, историко-филологический факультет Ульяновского педагогического института им. И.Н. Ульянова. Автор публикаций в журналах «Наш современник», «Воин России», «Роман-журнал. XXI век», «Сибирь», «Сура», «Подъём», «Дон», «Родная Ладога». Лауреат премий им. Н. Гарина-Михайловского, В. Шукшина, Всероссийской литературной премии «Имперская культура». Живет в селе Майском Самарской области.

К

ак и корабль, книга начинается с названия. Уже прочитав его на обложке, отчасти понимаешь, станет ли творческий мир автора тебе другом и советчиком, а может, лишь отнимет время. В сборнике избранных стихотворений «От весны до ледостава», несмотря на наименование, не преобладает пейзажная лирика, хотя и такая имеется. Но в наше время я почему-то прочитал это название как остро социальное. И рад, что не ошибся. Не знаю, вкладывал ли социальный смысл в обозначенную изначально концепцию свода своих стихов поэт из Воронежской области Федор Григорьев, но ведь порой книги оказываются дальновиднее самых талантливых авторов. Авторству Григорьева принадлежат несколько поэтических сборников, он известный член Союза писателей России, лауреат Всероссийской премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина в номинации «Поэзия», один из организаторов литературного фестиваля «Во славу Бориса и Глеба».

Сборник «От весны до ледостава» состоит из четырех глав, внутри которых, как сказано в аннотации, «...разворачивается поэтическое действие самой Природы и человека — любящего, страдающего, негодующего и счастливого одновременно». Про социальность, как видим, ни слова. Но об этом позже...

Для начала подумаем, чем характерно время года от весны до ледостава для русского человека, живущего на земле, а не в городском «человеянике»? С весны до поздней осени у сельчан — время самой напряженной работы, когда, как говорится, «один летний день год кормит». Исконный уклад сельской жизни подстроен под то, чтобы вырастить и сохранить урожай. Золото пшеницы — то самое золото, перед которым меркнет презренный металл.

Все, что было оправлено в золото,
обернулось скупым серебром.
Мы стояли, овеваны холодом,
рядом с едко дымящим костром.
Ветви ив колыхались под берегом,
незаметно спадала река,
величавое статное дерево
в воды вглядывалось сквозь века...

Корневая русская поэзия и проза советского времени некоторыми критиками была почему-то занесена в разряд некой «деревенской литературы». Туда попали великолепные стихи и романы Распутина, Абрамова, Рубцова, Лихоносова, Астафьева, Носова и других русских писателей, которые на самом деле продолжали в своем творчестве лучшие традиции Золотого века русской литературы. То была не «деревенская проза», при всем моем уважении и причастности к деревне. То была большая литература в лучших ее проявлениях и в самых глубинных прозрениях. Она была пронизана болью от исхода сельчан в города, болью за обезлюживание русского села, а то и от прямого его уничтожения. Проблема государственного уровня! Писатели ее поднимали, а критики и чиновники известного толка забалтывали... Писатели пытались понять, почему люди вынуждены покидать родную почву ради городского асфальта.

Проблема умирания русской глубинки и сегодня велика и — трагична: это понимаешь, когда по той же Сибири едешь днями, не встретив даже там, где они были, ни одного поселения. Эту глобальную трагическую тему пытались свести до чисто «деревенской» проблемы, попутно заузив и занизив тех, кто ее поднимал.

Я к тому говорю, что советские писатели-«деревенщики» не только стали продолжателями Золотого века литературы. Они своим творчеством помогли обществу преодолеть очарование во многом безбожного, но такого чарующего в своей оторванности от родной почвы Серебряного века. Поэзия Федора Григорьева во многом воспринимается как возвращение к Золотому веку нашей литературы, к исконным ее ценностям. Вроде пишет о природе: «незаметно спадала река»... Но никакой он не поэт-пейзажист, ведь река — она и речь русская, пошедшая на спад после того, как город стал душить село в своих объятиях, лишившись подпитки народным словотворчеством от корня, от почвы.

Как можно жить у родника,
и пить водичку из-под крана?
Моя растравленная рана
саднит у корня языка.
Родной опоенный народ
из телебашен грязь глотает,
при этом всякий раз икает —
и облегчения не ждет...

И хотелось бы русским писателям сменить тему, а как глянешь вокруг — деревни исчезают с лица России... А русский язык наводняют непонятные слова, этакие экзотические цветы на городском асфальте.

Фёдор Григорьев

Стихи разных лет

От весны до ледостава

Хороводило, колобродило,
куролесило в даль и в ширь...
Ты прими меня, малая родина,
приголубь меня, мой пустырь!..
Поле житное стало бросовым,
тычет колкая сор-трава...
Здесь живет мой друг В. Абросимов,
забубенная голова.
Где сады твои, Безукладовка?
Где антоновка, где анис?
Мне закускою стали яблоки,
что в «неметчине» налились.
Оглушило, огорошило,
ноги вынесли на вокзал:
«Поднимай, поэт, за хорошее!» —
Он стыдливо мне: «Завязал...»

Федор Григорьев — не только печальник русской земли. Печальников много — защитников не хватает... А Григорьев именно защитник, кропотливый работник русского слова. Перечитаем внимательно его стихотворение дальше. Оно, очень похожее на пророчество, того заслуживает. И увидишь, что «мечтой обманется свобода», когда спадут окончательно с глаз народа розовые очки демократии...

А мы дожили до заснежий
и не заметили — кого
призвал ноябрь под скрип тележный
на смену века своего...
...Толпа речистая в расколе:
мат и молитва на слуху...
Запела стая в ближнем поле,
медвежью чувствуя доху.
Отсчет времен все напряженней,
расплаты с будущим ясны,
и перепряженные кони
рвут сани в сторону весны!
Не углядеть его дороги,
не уберечь от нелюдей:
надежда — с верой в крепконогих
черноземельных лошадей!
А там — размякшая природа
расчет помножит на «авось».
Мечтой обманется свобода —
так повелось, так повелось...

О языке поэта разговор отдельный, тут лучше критика и автора предисловия Риммы Лютой не скажешь: «Языковая новизна — естественная черта литературы — более проявлена именно в “городском” творчестве, особенно в поэтическом, на малых пространствах текста. Причем часто современный стихотворец, рифмуя, просто “выговаривается”, ориентируясь исключительно на индивидуальные эмоциональные состояния и не нуждаясь в близком по духу собеседнике, реальном или виртуальном. Единицы ищут личной глубины и размышляют о цели общественного бытия. Мир нынешнего горожанина — высокоскоростной, многосо-

ставный, суетный, спрессованный в коконе необязательных мелочей, с коротким дыханием и взглядом мельком...».

Никакого взгляда мельком мы не найдем ни в одном стихотворении Григорьева! Он вглядывается в то, что знает с детства — только так и смотрят на то, что любят. Но смотрит с той пристальностью, с какой смотрит врач на занедужившего. Собственно, Григорьев ведь по профессии — врач. Так смотрел-вглядывался в Россию врач Чехов, так пытался понять свою современность врач Булгаков... Так же любили русское село и врачевали его раны, написав об исконной России едва ли не лучшие свои стихи, Есенин и Рубцов, любовались незатейливым русским бытом, видели в нем черты небесного уклада.

В дождливый год, по лету,
нас жизнью занесло
к приятелю-поэту
в родимое село.
В пять окон по фасаду,
других не хуже дом,
колодец, тропка к саду,
проулок за углом.
Встречает угощенье
ступивших на порог:
вишневое варенье
да бабушкин пирог,
в бадейке — квас свекольный,
а в центре — как пожар,
как чудо-колокольня —
сияет самовар!
Бегут по стенам блики,
и в самоваре том
отражены не лики,
а — лица за столом...

Не «унижая» земным сравнением уходящую в небо колокольню, признаемся, что в русском быту самовар имеет ничуть не меньшее значение. Самовар — собиратель семьи за столом, соборный символ русского уклада. Согреет чай, согреет душу сидящих за столом. Он центр того мироздания, что зовется русской избой, уступая разве что матушке-печке. И пусть в самоваре отражаются не лики святых, но зато отражается Россия, собравшаяся за столом. Отражаются родные люди, на которых мы в детстве смотрим почти как на святых, перед которыми нельзя сфальшивить:

Я маме прочитал стихи.
Я начал очень осторожно,
все время думал: «Эти — можно...
Вот эти, вроде, неплохи...».
Она смотрела на меня
большими карими глазами:
я словно перед образами
стоял, колени преклоня.
Но вдохновение влекло,
и я, как делают все дети,
забыв делить на те и эти, —
читал стихи... А время шло
так, словно в эти полчаса
оно свести в одно хотело —
и промелькнуло, что успело —
земные наши полюса...

Мамы часто бывают первыми слушателями стихов своих сыновей. Они продолжательницы дела Арины Родионовны, без них не было бы крепкой сцепки поэта с духом своего народа. Даже если сами не пишут и особо не читают стихи — рожают и воспитывают будущих поэтов, награждая их таившимся в глубинах родовой памяти чувством слова. Лучше матушек, наверное, только бабушки...

Меня, восьмилетнего малого,
по сговору бабки с попом,
крестили в селенье Русаново
от бати-партийца тайком.
Мне помнится теткина кофточка
и лики в купельной воде,
и темная хлебная крошечка
в поповской седой бороде.
Пропев отречение от нечисти,
он поднял ладони свои,
подул и пригладил отечески
кудлатые вихры мои.
А бабка, обычно ворчливая,
страшавшая внука войной,
всплакнула тихонько, счастливая,
гордясь и собою, и мной.

Не поспоришь с тем, что нигде так ярко не проявляется человек, а поэт в особенности, как в том, как он пишет о любви. Многие поэты начинают свой путь в литературу с того, что влюбляются и пытаются писать стихи любимой девушке... Потом эта юношеская тропка поэзии приводит их в большую литературу.

Не пойте мне про сказочные дали,
загадочно манящие огни:
мы дальше тех немало повидали,
в каких пределах ни были б они.
Все сказки ваши — прозы достойные,
Поэзия — лишь в женщине моей,
не ведающей позы и кривлянья,
жаль, ценности не знающей своей.
Она смеется гордо надо всеми,
оставленная в свой тяжелый час...
В земле ее спасительное семя
произросло и вызрело не раз.
Я жив ее дыханьем и стихами
и, чувствуя сердечный перебой,
спешу бродить любимыми холмами,
и днем, и ночью — под ее звездой.

В этой смеющейся над обрушившимися на нее бедами женщине разве не узнаем мы Россию? А в сказочных далях и загадочно манящих огнях разве не чувствуем искушение, которое тем опаснее, чем более ослабевает притяжение родной земли? Порой эти лукавые огни могут стать одной из причин предательства. Жил-жил человек — и вдруг подался за лучшей долей не куда-нибудь, а подальше от родины. Да еще и плюнул в нее на прощание...

Явит рыло враг смертельный —
я его не убоюсь:
поцелую крест нательный,
маме в пояс поклонюсь.
Кулаками ли, ракетой
гада буду воевать,

поминая вслух при этом
«богадух» и «богамать».
Но скажи мне, друг сердечный,
как и чем бороться с ним,
коли тать, как ветер встречный,
вязок и неуловим?..

Поэт не концентрируется на обличении тех, имя которым «пятая колонна». Он озабочен тем, что лично он будет делать в трудной ситуации... Определение «пятая колонна», как слышал я, связано вроде с русской избой-пятистенком. Пятая стена избы внутри самой избы разделяет избу изнутри. Вот так пятая стена становится пятой колонной, что изнутри разделяет народ.

Как все неясно мне в моей отчизне,
за что повинен казни без суда:
ведь пьют бездонно, хрюкают на тризне
и ловятся в гнилые невода.
Но — победят в, казалось, гиблой битве
и свято верят в истое вранье.
И умирают — со скупой молитвой,
не думая вдаваться в смысл ее...

Как в капле отражен океан, так отражается дух народа в поэте, чья личностная и творческая сверхзадача — оставаться со своим народом в радости и беде. Невозможно не согласиться с автором предисловия к книге: «...особенно ценишь те строки, ...где не изучен язык частыми заплатками новояза, где автор стремится осмыслить происходящее с ним самим и вокруг него в координатах родной истории и веры, а творческие задачи согласовать с судьбой Отечества, с его заботами, бедами и радостями. К этой зрелости души приходят далеко не все, и обретается подобная высота лишь претерпевшими искушения, метания, падения — но и восстания, и озарения, и взлеты духовные. Но таков бывает путь русского художника слова, путь русского к самому себе и — к Небу».

И напоследок вернусь к тому, с чего я начал: к названию книги «От весны до ледостава», определив это название как остро социальное. Вспомните, с чего началось когда-то предательство победившей в Великой Отечественной России? А началось оно с лукавой хрущевской оттепели, которая характерна для ранней весны. Но стоит вспомнить высказывание одного из хранителей русской монархии, К.П. Победоносцева, который осознал, что свобода в России часто перерастает во вседозволенность: «Россию надо подморозить».

О непростом времени от оттепели до ледостава написана эта книга. О жизни России и русской глубинки в это время испытания на прочность.

